

Научная статья

УДК 81-114.4

DOI 10.52070/2542-2197_2023_9_877_49

Семиозис естественной коммуникации: детерминанты в вариативности

К. С. Карданова-Бирюкова

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

kardanova-birukovaks@mgpu.ru

Аннотация. Цель исследования состоит в разработке модели естественной коммуникации как семиотической среды, задающей ориентиры в процессе смыслопорождения. Детерминируют эту динамику языковые единицы – фиксаторы смыслов и речевые действия как социально закрепленные способы трансляции смыслов. Методологическая основа задается теорией аутопоэза – одного из магистральных направлений теории систем. Этот подход позволяет планировать исследование с учетом пластичности субъекта коммуникации, проявляющейся в его постоянном конструировании среды, в том числе вербальном.

Ключевые слова: коммуникация, семиозис, аутопоэтическая теория, общая теория систем, экспериментальное исследование, речевое действие, субъект коммуникации, среда, моделирование

Для цитирования: Карданова-Бирюкова К. С. Семиозис естественной коммуникации: детерминанты в вариативности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 9 (877). С. 49–56. DOI 10.52070/2542-2197_2023_9_877_49

Original article

Semiosis of Interpersonal Communication: Determinants in Variability

Ksenia S. Kardanova-Biryukova

Moscow City University, Moscow, Russia

kardanova-birukovaks@mgpu.ru

Abstract. The research aims to design a model in which communication presents a multi-component semiotic environment, where sense production is effected. Its dynamics is determined by language units which serve as sense fixators and speech actions as socially acceptable tools of sense explication and translation. The methodological framework of our research is formed by autopoiesis – an avenue of the systems theory – which focuses on the essential plasticity of the system. This approach helps focus on the plasticity of a communicant who is continuously restructuring his / her environment.

Keywords: communication, semiosis, autopoiesis, the systems theory, experiment, speech action, communicant, communication environment (medium), modeling.

For citation: Kardanova-Biryukova, K. S. (2023). Semiosis of interpersonal communication: determinants in variability. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9 (877), 49–56. 10.52070/2542-2197_2023_9_877_49

ВВЕДЕНИЕ

Изучение коммуникации как динамического социального феномена осуществляется инструментами различных наук. Устойчивый интерес к такому явлению детерминирован его структурной сложностью, определяющейся воздействием многочисленных разноприродных факторов. Поэтому исследование коммуникации происходит с опорой на ряд методов, среди которых магистральными являются: структурно-типологический, интеракционный, психолингвистический и др.

Семиотическая и структурная сложность коммуникации, позволяющая рассматривать ее как среду, в которой происходит смыслопорождение коммуниканта, требует дальнейшего исследования, а оно, в свою очередь, невозможно без теоретических обобщений, способствующих установлению существенных черт коммуникативного процесса.

Цель исследования состоит в представлении модели естественной коммуникации как семиотической среды, которая задает ориентиры в процессе смыслопорождения. В качестве детерминант этой среды выступают языковые единицы – фиксаторы смыслов и стереотипные речевые действия как конвенциональные способы трансляции смыслов.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

В традиционных исследованиях коммуникацию принято рассматривать как среду, в которой смыслы транслируются между субъектами. При этом постулируется гибкость межличностного взаимодействия, определяющая его динамику.

Так, инструментами технических наук возможно выстраивание алгоритма трансляции сигнала из точки А в точку Б и измерение количества переданной информации (как разницы потенциалов в точке отправления сообщения и точки получения сообщения с учетом шумового фона) [Шеннон, 1963; Рид, 2005 и др.]. В социологии выявляются особенности коммуникации в пределах групп, обладающих различными социокультурными характеристиками [Castells, 2006; Meier, Reinecke, 2020 и др.]. Методами психологии возможно изучать особенности экспликации коммуникативных интенций адресанта речевого сообщения и характер восприятия этих интенций адресатом [Newcomb, 1953 и др.]. В языковедении решаются многочисленные исследовательские задачи, связанные с установлением роли вербальной составляющей коммуникации.

Этот перечень может быть дополнен другими научными дисциплинами гуманитарного и технического профиля (например, философией, историей, этнографией и пр.). Смежные

проблемы рассматриваются и в междисциплинарных направлениях, в том числе в социолингвистике и психолингвистике.

В последние десятилетия появились исследования, в которых принципиальная динамичность, отсутствие жестких алгоритмов в речевой деятельности и уникальность процесса смыслопорождения не только постулируются, но и проблематизируются. Ученые, однако, неизбежно сталкиваются с проблемой поиска «фиксаторов» в динамической природе коммуникации. Ведь принципиальная гибкость и пластичность этого феномена может быть изучена только через анализ репрезентантов в виде языковых единиц, используемых в процессе коммуникации.

Именно фиксация в социально закрепленных языковых единицах (в смысле А. А. Леонтьева) и позволяет делать выход на анализ коммуникации как свойства человека: речемыслительная деятельность, осуществляемая по индивидуальным траекториям, преобразуется в транслируемые от индивида к индивиду речевые действия. В результате появляется возможность алгоритмизировать основные этапы речемыслительной деятельности субъекта. При этом выбор в пользу универсальных (шаблонных) речевых действий оптимизирует коммуникацию и обеспечивает скорейшее достижение равновесных отношений.

При понимании коммуникации как свойства человека и ее алгоритмизации в виде этапов речемыслительной деятельности эксплицируются параметры коммуникации, которые ранее не оказывались в поле внимания исследователей.

Перспективными представляются решения, предложенные А. А. Залевской и И. Э. Клюкановым [Залевская, 2007; Клюканов, 2010].

Модель речемыслительного процесса, разработанная А. А. Залевской и представленная фактически во всех фундаментальных работах исследователя, предполагает наличие какого-либо внешнего или внутреннего импульса, выступающего начальным моментом речевой деятельности и запускающего процесс построения образа результата действия. Речемыслительный процесс «распадается» на ряд чередующихся плоскостей и блоков, представляющих собой ярусы памяти. Из памяти «черпаются все необходимые для реализации соответствующих процессов единицы и стратегии оперирования ими» [Залевская, 2007, с. 356].

Эта модель отражает постоянное сличение конструируемого речемыслительного действия с конвенциональными способами оперирования единицами языка. Таково обязательное условие успешной межличностной коммуникации.

Динамический характер коммуникации подчеркивается и в модели, разработанной И. Э. Ключановым, в которой коммуникация мыслится как «пространственно-временной континуум, состоящий из так называемых эволюционных витков, отбрасывающих... 'слияние' себя и другого» [Ключанов, 2010, с. 131]. Автор задает систему координат для трансформации опыта в процессе коммуникации как самоорганизующегося целого.

С учетом принципиальной динамичности и вариативности коммуникативного поведения субъекта строится и предлагаемая нами операциональная модель коммуникации. Решение этой задачи возможно с опорой на метод моделирования, позволяющий построить и теоретически обосновать модель коммуникации и метод эксперимента, обеспечивающий верификацию основных положений модели коммуникации через формулирование соответствующих гипотез (см. об общих принципах организации эксперимента, например, в: [Сулейманова, Гулянец, 2022]).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ

В основании заявленного подхода должна лежать методология, задающая принципиальную вариативность системы. Поиск такой методологии приводит к общей теории систем, одним из магистральных направлений которой является аутопоэтическая теория. В теории аутопоэза постулируется, что и субъект коммуникации, и конструируемая им среда обладают пластичностью, гибкостью и адаптивностью.

В отличие от других ответвлений общей теории систем (например, синергетической парадигмы) теория аутопоэза имеет биологическую основу, поэтому она позволяет исследовать речевую деятельность именно как имманентное свойство человека, представляющего собой биологический организм (в терминах У. Матураны и Фр. Варелы – живую систему) [Maturana, 1975; Maturana, Varela, 1980].

При адаптации основных положений аутопоэтической теории к исследованию лингвистического объекта центральным звеном, оказывающимся в фокусе внимания ученого, является социальный субъект, обладающий некоторой совокупностью адаптационных свойств, поэтому, даже оказываясь в однопорядковых коммуникативных ситуациях, разные коммуниканты выстраивают разную иерархию средовых факторов и, следовательно, по-разному выстраивают свое коммуникативное поведение.

С позиции аутопоэтической теории релевантно именно отношение «субъект-среда». В терминсистеме аутопоэза среда – это «область всех

возможных взаимодействий субъекта коммуникации, задаваемая его когнитивными свойствами» (*Перевод мой.* – К.К.-Б.) [Maturana, 1975, с. 33]. Она выстраивается субъектом коммуникации уникальным образом на основе учета его актуального состояния и актуального соотношения его адаптационных свойств. Среда состоит из разнородных компонентов, которые объединяются социальным субъектом степенью их релевантности для его жизнедеятельности: другие индивиды также входят в среду и могут занимать то или иное положение в выстроенной субъектом иерархии элементов. Социальный субъект вступает в коммуникацию со средой каждый раз, когда происходит рассогласование между ним и средой и возникает дисбаланс. При этом планирование программы коммуникативного поведения субъекта коммуникации определяется количеством и иерархизацией значимых средовых факторов.

Как утверждают авторы теории аутопоэза, фундаментальным свойством субъекта коммуникации выступает его способность к самоорганизации, благодаря которой он способен восстанавливать равновесные отношения со средой в момент возникновения дисбаланса. Однако инструментами лингвистики изучать это свойство едва ли возможно, поэтому приходится его только постулировать.

Но способность к самоорганизации проявляется через параметры второго порядка: активность (психическое свойство субъекта коммуникации, фиксирующее его активное, а не адаптивное взаимодействие со средой); языковую способность (психобиологическое свойство субъекта коммуникации, состоящее в его способности к семиозису); структурность (степень сформированности психических операций субъекта коммуникации и его гибкость).

Свойства активности, структурности и языковой способности могут задействоваться в разной степени, и недостаточная степень сформированности одного из них может компенсироваться тем, что в коммуникации в большей степени происходит опора на другие свойства (ср. коммуникант, у которого наблюдается дефицит языковой способности, может компенсировать эту нехватку активностью и, например, задавать многочисленные уточняющие вопросы, тем самым обеспечивая необходимый уровень равновесия со средой).

Как и для исследователей, чьи модели коммуникации были представлены выше, для нас принципиальным моментом является создание модели второго порядка через введение операциональной единицы (рис. 1). Этой единицей является рекурсивный шаг или операция, отражающая эволюционное изменение в структуре субъекта коммуникации.

Рис. 1. Модель коммуникации как восстановление равновесия между социальным субъектом и конструируемой им средой

Модель коммуникации включает в себя три этапа: при возникновении дисбаланса между коммуникантом и конструируемой им средой индивид сначала идентифицирует релевантные элементы среды и ранжирует их, определяя доминанты; затем он идентифицирует фрагмент среды, в котором произошло рассогласование, и наконец, направляет усилия на устранение дисбаланса за счет собственной реструктуризации.

Так, методология аутопоэза дает возможность задавать измеряемые параметры динамического объекта, а следовательно строить модель, в которой учитывается пластичность субъекта коммуникации, проявляющаяся в его постоянной адаптации в конструируемой им среде (ср. описание возможностей применения аутопоэтической теории в современных зарубежных исследованиях [Yolles, Frieden, 2021; Peček, Ovsenik, 2018; Korbak, 2022]). С означенных методологических позиций возможно говорить о пластичности как сущностном свойстве субъекта коммуникации. Ведь в процессе адаптации он выстраивает определенную иерархию значимых ситуативных факторов и затем с учетом этой иерархии планирует дальнейшие речевые и неречевые действия [Карданова-Бирюкова, 2021а].

Данная модель позволяет задавать измеряемые параметры коммуникации и обосновывать их включение в модель, а динамичность коммуникации приобретает фиксацию через языковые единицы и стереотипные речевые действия как конвенциональные способы трансляции смыслов. Это, в свою очередь, позволяет исследовать гибкость и пластичность коммуникации через исследование соответствующих фиксаторов (детерминант).

Эмпирический материал был собран в серии психо- и социолингвистических экспериментов, он представляет собой образцы естественной межличностной коммуникации в стереотипных ситуациях коммуникативного взаимодействия (детальное описание дизайна некоторых этапов эксперимента см. в: [Карданова-Бирюкова, 2021б]).

На этапе, предвещающем проведение экспериментов, были сформулированы гипотезы, отражающие отдельные параметры модели. В число положений, значимых для целей настоящего исследования, входят гипотезы о том, что структурирование коммуникации происходит в результате иерархизации средовых факторов, определяемой актуальным состоянием субъекта коммуникации и иерархией присущих ему адапционных свойств, и о том, что коммуникативное поведение, планируемое субъектом коммуникации как ответ на возникший дисбаланс со средой, обусловлено актуальным соотношением его адапционных свойств. Иными словами, все верифицируемые экспериментальным путем гипотезы так или иначе отражают пластичность субъекта коммуникации, проявляющуюся в его постоянной адаптации в конструируемой им среде и фиксируемую в более или менее стереотипных речевых действиях. Следовательно, мы ожидаем, что коммуникативные сценарии, прогнозируемые испытуемыми в ситуациях естественного общения, будут в значительной степени уникальными. Стереотипные модели поведения на этом этапе с учетом построенных ранее моделей ожидалось в редких случаях.

Выборка испытуемых осуществлялась с учетом возрастного критерия: в младшую возрастную группу вошло 185 человек, в старшую возрастную группу (контрольную) вошло 34 человека. Кроме того, контролировался гендерный параметр и образовательный уровень.

Эксперимент проводился как фронтально, так и дистанционно через использование интернет-платформы www.surveymonkey.com. Рекомендуемое время выполнения анкеты – 20 минут (что соответствует среднему показателю сохранения стабильности внимания). В эксперименте воссоздавались естественные ситуации социального общения, в которых человек реализует стандартный сценарий адаптивного поведения.

Поскольку серия экспериментов проводилась в течение сравнительно длительного временного интервала (порядка десяти лет), а результаты далее интерпретировались с учетом различных критериев, в пределах этой статьи мы остановимся только на тех моментах, в которых можно говорить о детерминантах коммуникации, выступающих временными стабилизаторами этого динамического явления. Далее рассмотрены результаты двух этапов эксперимента, ориентированные на верификацию двух представленных выше экспериментальных гипотез.

В первом эксперименте верифицировалась гипотеза, согласно которой идентификация средовых факторов субъектом коммуникации не происходит по предзаданному сценарию, а

ранжирование определяется уникальным набором свойств индивида и их уникальной иерархизацией. Для верификации этой гипотезы участникам эксперимента было предложено задание на ранжирование идентифицированных ими элементов среды. При этом ожидалось, что мы выявим низкую согласованность мнений внутри экспериментальных подгрупп, т. е. даже коммуниканты, обладающие однопорядковыми социовозрастными характеристиками, будут по-разному конструировать среду. Для анализа были предложены типовые кейсы вроде:

- Вы обсуждаете с коллегами (сокурсниками) актуальную социальную проблему. Ваши точки зрения не совпадают
- Вы просматриваете странички друзей в социальной сети (типа ВКонтакте или Фейсбук)
- Ваш сосед в поезде / самолете начинает разговаривать с Вами и др.

Испытуемых просили разместить факторы, которые им видятся релевантными для выстраивания коммуникативного поведения в заданных социальных контекстах (например, Ранг 1 – степень знакомства с человеком; Ранг 2 – значимость отношений с ним лично для меня; Ранг 3 – степень

оценочности комментариев других пользователей и т. д.). Далее ответы были систематизированы в виде таблиц (см. табл. 1). Во всех примерах ответов участников эксперимента сохранены авторские орфография и пунктуация.

Формулировки, предложенные испытуемыми, далее приводились к единому знаменателю для обеспечения сопоставимости ответов и возможности выявить общие тренды, после чего проводился ранговый анализ.

Выведенная на этапе планирования эксперимента гипотеза не подтвердилась. Принципы ранжирования средовых факторов, как показали результаты эксперимента, в значительной степени определяются установками, сформированными у субъекта коммуникации в предшествующем опыте социального взаимодействия. Субъект коммуникации владеет арсеналом конвенциональных норм социальной интеракции и ориентируется на них в процессе определения состава релевантных элементов среды и их последующей иерархизации. Наблюдаются очевидные доминантные тренды как в пределах каждой экспериментальной подгруппы, так и во всех экспериментальных подгруппах (т. е. свойственные любому представителю языкового сообщества вне зависимости от его социовозрастных характеристик). Так, на первых

Таблица 1

ФРАГМЕНТ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ОТВЕТОВ ИСПЫТУЕМЫХ
(мужчины, младшая возрастная группа)

№	Пол	Возраст	Ранг 1	Ранг 2	Ранг 3	Ранг 4	Ранг 5
1	муж	21	адекватность	логичность	аргументация	знание обсуждаемой темы	компромисс
2	муж	19	позиция коллег	аргументы в пользу своей позиции	может ли позиция коллег быть верной (правильной)	аргументированность позиции коллег	
3	муж	18	уверенность в своей точке зрения	аргументирование	стремление переспорить	агрессивность	
4	муж	18	заинтересованность собеседника в данном вопросе	психологическая настроенность по отношению ко мне	Весомость и значимость аргументов собеседника	общие взгляды собеседника (точки соприкосновения) со мной	подкрепленность в знаниях по данной проблеме
5	муж	17	точка зрения коллег	обособление от конфликта	попытка убедить коллег		
6	муж	18	характеристика личности, выдвигающей свою точку зрения, с которой я не согласен	взаимосвязь его характеристики и точки зрения	степень несовпадения точек зрения	отношение ко мне	отношение к собеседнику

рангах у представителей всех экспериментальных групп оказываются наиболее очевидные «раздражители», идентифицируемые в среде. Например, в конфликтных ситуациях испытуемые наиболее часто отмечают степень знакомства с другими участниками общения и важность соблюдения норм социального взаимодействия.

Даже в приведенном фрагменте систематизации данных (см. табл. 1) заметно, что у многих испытуемых не заполнены ранги 5 и 4, что демонстрирует достаточно низкую способность воспринимать значительное количество средовых (ситуативных) факторов и, следовательно, учитывать их в планировании коммуникативного поведения.

Многие результаты проведенного эксперимента очевидным образом демонстрируют стремление субъекта коммуникации следовать конвенциональным сценариям коммуникативного поведения и, следовательно, опираться на шаблонные алгоритмы смыслопорождения. Это безусловно минимизирует усилие коммуниканта, направленное на восстановление равновесия со средой, и алгоритмизирует его.

Следует особо отметить, что испытуемым старшего возраста свойственны по преимуществу стандартные сценарии коммуникативного поведения, что, несомненно, связано с уже сформированным опытом коммуникации в таких социальных контекстах.

Эти наблюдения далее верифицировались в другом эксперименте, направленном на оценку того, как субъект коммуникации планирует сценарий коммуникативного поведения в ситуациях естественного общения. Для этого испытуемым были предложены типовые кейсы. В них присутствовал «раздражитель», провоцирующий нарушение равновесия между коммуникантом и выстроенной им средой и требующий совершения индивидом ряда ответных речевых либо неречевых действий. Ср.:

- Человек на улице обращается с вопросом, незнакомец вмешивается в Ваш разговор с другом, кто-то оставляет нелестный комментарий к Вашей фотографии в соцсетях.

Как и в случае с данными, полученными в ходе проведения первого эксперимента, ответы испытуемых сводились к определенным типам. Далее просчитывалось количество прогнозируемых действий (как речевых, так и неречевых) и анализировался сценарий планируемого коммуникативного поведения.

В результате такой систематизации и статистической обработки данных было установлено, что алгоритм прогнозируемого коммуникативного

поведения определяется типичностью коммуникативной ситуации и характером взаимодействия. Так, ситуацию, когда на улице к прохожему обращаются с вопросом, абсолютное большинство испытуемых воспринимают как абсолютно стандартную и выстраивают максимально компактный ответный коммуникативный сценарий: *Пройду мимо; Промолчу; Переспрошу* и др. Сравнительно компактные и часто оценочные комментарии предлагаются в случае с кейсом о критических комментариях к фотографии на странице в социальной сети. Это дистанционное общение, которое зачастую видится как менее пикетное и допускающее отклонения от социальных норм.

Однако нельзя не отметить, что развернутые сценарии ответного коммуникативного поведения также присутствовали, ср.:

- Если вопрос на личную тему, то попрошу незнакомца не участвовать в беседе.
- Если обсуждаем не личные вопросы и если у собеседника интересная точка зрения, то общаюсь с ним; зависит от темы разговора.
- Если тема не интимная, а человек приятный, то у меня не будет возражений.

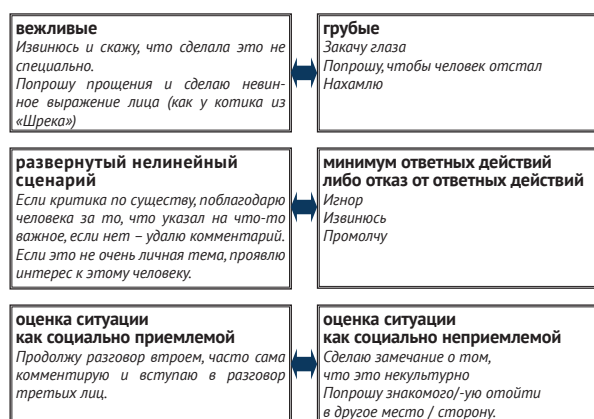
Имея ориентир в прошлом коммуникативном опыте, испытуемые предлагают развернутые ответы, часто нелинейного типа (*если..., то...*).

При этом выявленные нами особенности планирования коммуникативного поведения в целом являются маркирующими для тех или иных экспериментальных подгрупп. Так, более развернутые и нелинейные алгоритмы коммуникативного поведения частотно наблюдаются у более взрослых испытуемых (фактически у 80 % женщин из старшей возрастной подгруппы). Напротив, молодым девушкам свойственны более компактные сценарии коммуникативного поведения, включающие 1–2 речевых или неречевых действия. Более того, в ряде случаев они в принципе не склонны реагировать на заложенный в экспериментальном «кейсе» раздражитель, ср.:

- Не обращаю внимание
- Пройгнорирую
- Промолчу
- Мне плевать на комментарии в социальных сетях
- Никак не отреагировать.

Таким образом, наиболее статистически значимые расхождения в целом наблюдались на стыке экспериментальных подгрупп.

Однако мы обратили внимание на то, что внутри подгрупп также присутствует выраженная

Рис. 2. Поляризация ответов испытуемых с близкими социогендерно-возрастными параметрами (примеры ответов молодых девушек)

неоднородность. Социально ожидаемые и стереотипные алгоритмы коммуникативного поведения наблюдались сравнительно нерегулярно, а ответы испытуемых со сходными гендерными и возрастными параметрами зачастую полярны (см. рис. 2).

Дополнительным подтверждением регулярных отклонений субъекта коммуникации от стереотипных сценариев коммуникативного поведения выступает то, что испытуемые маркируют субъективную оценку условий осуществления коммуникации, ср.:

- Зависит от моего настроения...
- Если человек грамотно говорит, поддержку разговор
- Редко выкладываю фотографии (если выкладываю, то комментарии отключены)...
- Если разговор идет на личные темы, то показать, что его речи неуместны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты, полученные в ходе проведения серии экспериментов, показали, что субъект коммуникации в целом ориентирован на использование социально ожидаемых и стереотипных алгоритмов коммуникативного поведения. Однако сценарии коммуникативного поведения часто отклоняются от стереотипных, что наблюдается даже в пределах одной экспериментальной подгруппы.

Среди испытуемых старшего возраста степень внутригрупповой унификации существенно выше, чем среди молодых участников эксперимента. Данные показатели очевидно связаны с тем, что основные социально приемлемые шаблоны коммуникативного поведения в речевой деятельности старшего поколения стереотипизировались и ретранслируются в однотипных ситуациях общения.

Вариативность коммуникативного поведения индивида фиксируется в виде стереотипных речевых действий, позволяющих ему быстро восстанавливать равновесные отношения со средой. Судя по результатам проведенных экспериментов, чем более ожидаемым и шаблонным является прогнозируемый сценарий коммуникативного поведения, тем меньше усилий требуется со стороны субъекта коммуникации; субъект, как правило, ограничивается одним ответным речевым / неречевым действием.

Таким образом, методология аутопоэза дает возможность строить модель естественной коммуникации как семиотической среды, задающей ориентиры в процессе смыслопорождения. Фиксация этого процесса происходит в языковых единицах и стереотипных речевых действиях, что оптимизирует восстановление равновесных отношений между субъектом коммуникации и конструируемой им средой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. М.: Издательство иностранной литературы, 1963.
2. Рид Р. Основы теории передачи информации. М.: Вильямс, 2005.
3. Castells M. Mobile Communication and Society: A Global Perspective. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2006.
4. Meier A., Reinecke L. Computer-Mediated Communication, Social Media, and Mental Health: A Conceptual and Empirical Meta-Review // Communication Research. 2020. № 48(8). P. 1182–1209.
5. Newcomb T. M. An approach to the study of communicative acts // Psychological Review. 1953. № 60(6). P. 393–404.
6. Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М.: Директ-Медиа, 2007.
7. Ключанов И. Э. Коммуникативный универсум. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
8. Сулейманова О. А., Гулянец А. Б. Методика лингвистического исследования как актуальный раздел современной научной публикации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2022. № 4 (48). С. 88–101.
9. Maturana H. R. The organization of the living: A theory of the living organization // International Journal of Man-Machine Studies. 1975. № 7 (3). P. 313–332.
10. Maturana H. R., Varela Fr. Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living // Boston Studies in the Philosophy of Science. Vol. 42. Dordrecht: D. Reidel Publishing Co.; 1980. P. 5–58.

11. Yolles M., Frieden B. R. Autopoiesis and Its Efficacy—A Metacybernetic View // *Systems*. 2021. № 9 (4). P. 75–110.
12. Peček T., Ovsenik M. Organization, Autopoiesis and Human Potential as Paradigm of the Future Organization // *Organizacija*. 2018. № 51(3). P. 208–218.
13. Korbak T. Self-organisation, (M, R) – systems and enactive cognitive science // *Adaptive Behavior*. 2022. № 31 (1). P. 35–49.
14. Карданова-Бирюкова К. С. Коммуникация как междисциплинарный исследовательский объект // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2021а. Вып. 2(844). С. 24–34.
15. Карданова-Бирюкова К. С. Лингвистическая теория речевого события: структурно-эволюционный аспект: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2021б.

REFERENCES

1. Shannon, K. (1963). *Raboty po teoriji informacii i kibernetike* = Papers on the theory of information and cybernetics. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoj literatury. (In Russ.)
2. Rid, R. (2005). *Osnovy teoriji peredachi informacii* = Foundations of the theory of information transmission. Moscow: Williams. (In Russ.)
3. Castells, M. (2006). *Mobile Communication and Society: A Global Perspective*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
4. Meier, A., Reinecke, L. (2020). Computer-Mediated Communication, Social Media, and Mental Health: A Conceptual and Empirical Meta-Review. *Communication Research*, 48(8), 1182–1209.
5. Newcomb, T. M. (1953). An approach to the study of communicative acts. *Psychological Review*, 60(6), 393–404.
6. Zalevskaya, A. A. (2007). *Vvedeniye v psiholingvistiku* = Introduction to psycholinguistics. Moscow: Direct-Media. (In Russ.)
7. Klyukanov, I. E. (2010). *Kommunikativny universum* = Communication universe. Moscow: Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya (ROSSPEN). (In Russ.)
8. Suleimanova, O. A., Guliyants, A. B. (2022). Metodika lingvisticheskogo issledovaniya kak aktual'ny razdel sovremennoy nauchnoy publikaci'i = Linguistic research methods as essential part of academic publication. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 4(48), 88–101. (In Russ.)
9. Maturana, H. R. (1975). The organization of the living: A theory of the living organization. *International Journal of Man-Machine Studies*, 7(3), 313–332.
10. Maturana, H. R., Varela, Fr. (1980). *Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living*. Boston Studies in the Philosophy of Science. Vol. 42. Dordrecht: D. Reidel Publishing Co. P. 5–58.
11. Yolles, M., Frieden, B. R. (2021). Autopoiesis and Its Efficacy – A Metacybernetic View. *Systems*, 9(4), 75–110.
12. Peček, T., Ovsenik, M. (2018). Organization, Autopoiesis and Human Potential as Paradigm of the Future Organization. *Organizacija*, 51(3), 208–218.
13. Korbak, T. (2022). Self-organisation, (M, R) – systems and enactive cognitive science. *Adaptive Behavior*, 31(1), 35–49.
14. Kardanova-Biryukova, K. S. (2021a). Communication as an object of interdisciplinary research. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2(844), 24–34. (In Russ.)
15. Kardanova-Biryukova, K. S. (2021b). *Lingvisticheskaja teorija rechevogo sobytija: strukturno-evolucionnyy aspekt* = Linguistic theory of speech event: structural and evolutionary aspect: Senior Doctorate in Philology. Moscow. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Карданова-Бирюкова Ксения Суфьяновна

доктор филологических наук, доцент

заведующий кафедрой языкознания и переводоведения Московского городского педагогического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kardanova-Birukova Ksenia Sufyanovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor

Head of the Department of Linguistics and Translation Studies, Moscow City University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

21.05.2023
25.06.2023
03.07.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication